

У. Приложение.

Материалы к мастерской

1.

В марте 1889 года священник местной церкви сделал запись:

Рожден 1-го, крещен 12-го, Антоний.

Родители: города Харькова цеховой Семен Григорьевич Макаренко и законная жена его Татиана, Михайлова дочь. Православные.

Крестные: Василий Петрович Опрятов, почетный гражданин, и дочь отставного шеврониста Пелагия Михайловна Дергачева.

2.

Брат Макаренко – Виталий Семенович был белым офицером и ушел в вечное изгнание с добармией. Пишет в своих воспоминаниях, что Антон был мальчик болезненный, вечно простуженный, страдавший от своей хилости, некрасивости, ранней близорукости. Но при этом самолюбивый, всегда желавший быть первым. С пяти лет отец выучил Антона читать, он умел петь, рисовать, играть на скрипке, рассказывать, «представлять» и всю жизнь потом и рисовал, и страстно любил театр. Всех интересует педагог Макаренко, но, если изучать его биографию непредвзято, легко увидеть, что это биография прежде всего писателя, литератора, главная мечта которого была – писать, вырваться от всех своих трудов к литературе. Чего он и добился в конце концов.

Здесь корень его незаурядности, наблюдательности, внимания к людям и понимания человека. Педагогика и литература – сестры, и та и другая – человековедение.

3.

«В 1904 году Антон окончил училище, но остался при нем на годичные педагогические курсы. Он был отличником. Его сочинения читали вслух как образцовые. На курсах он принимал живейшее участие в различных инсценировках и декламациях. Стихи он не очень любил и читал их неважно, а вот проза была его подлинной стихией. К этому времени относится его первое увлечение прозой Лермонтова, которое он пронес через всю жизнь. Как сейчас помню Антона, стоящего на помосте и терпеливо ожидающего, когда в зале наступит тишина».

4.

Отзыв: «Макаренко А. – выдающийся воспитанник по своим способностям, развитию и трудолюбию. Особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности по русскому языку и истории.

5.

Городское 4-классное училище в г. Кременчуге, годовичные педагогические курсы – там же, Полтавский педагогический институт. Везде – «отлично», золотая медаль. Вот его, выпускника института, характеристика: «Выдающийся воспитанник по своим знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности по русскому языку и истории». Это писано в 1917 г. Сколько ему было тогда? Уже 29. Обычные, «нормальные» в таком возрасте успевают уgomониться: «Куда дальше? Пора и пожить!» Не таков Макаренко. Он еще только начинает. Он как стальная пружина. Он успеет, сумеет. У него все есть для победы. Правда, время – все сложнее. Ничего! Он выдержит. И смотрите: работает – с 17, кончает институт – в 29, с 32 по 47 – завкол, в 49 – писатель!

Везде, во всем – с «самого начала», с самых «низов». И везде – сам, только своим трудом. Горд, чист и честлюбив. Такой не отступит. Неудержим. Тверда поступь: учитель начальных классов, инспектор, завкол.

6. Анкета, которую заполнил Макаренко в 1922 г., суммируя свои знания: «Астрономию знаю хорошо... солидные знания имею в общей биологии. Несколько раз прочитывал всего Дарвина... общие положения и новейшая философия химии мне хорошо известны... географию знаю прекрасно, и особенно промышленную жизнь мира и сравнительную географию. Свободно чувствую себя в области экономической политики... История – мой любимый предмет. Почти на память знаю Ключевского и Покровского. Несколько раз прочитывал Соловьева... Вообще говоря, вся литература по истории, имеющаяся на русском языке, мне известна... Прекрасно знаком с историей французской революции... читал все, что имеется на русском языке, по психологии... С философией знаком очень несистематично. Читал Локка, «Критику чистого разума» (Канта), Шопенгауэра, Штирнера, Ницше и Бергсона... Люблю изящную литературу. больше всего почитаю Шекспира, Пушкина, Достоевского, Гамсуна. Чувствую огромную силу Толстого, но не люблю, терпеть не могу Диккенса. Из новейшей литературы знаю и понимаю Горького и Ал. Толстого...».

7.

Перед нами «Альбом для стихов» несколько удлиненного формата. На плотной и гладкой его бумаге строки, написанные двумя характерными почерками Антона Семеновича – прямым с каллиграфически рисованными буквами и обыкновенным беглым наклоном. На одной из страниц – натюрморт. На столе пустые чашки, куски сахара, чайник, учительская фуражка... В стихотворениях Макаренко живые, юморные картинки учительского быта на фоне безденежья и школьных тетрадей.

8.

Во высоком терему
Сразу видно по всему
Как у бар.
И прелестнейший квартет
Наклоняет средь бесед
Самовар.
Если вспомнишь про тетради
И заглянешь шутки ради
Не гляди.
Удивляйся обстановке,
Слушай речи про обновку
И сиди.
Друг сердечный, гость беспечный,
Тем богатствам ты не верь.
Ведь в кармане на аркане,
Как в известнейшем романе,
Некий зверь.

А. Макаренко.

9.

Антон Семенович, особенно в профиль, немного походил на Гоголя. Был голубоглазый, с низко подстриженными волосами.

Антон Семенович очень увлекался рисованием и в свою очередь поощрял и нас, у кого к этому обнаруживались способности. Обязательно подарит кому – краски, кому – цветные карандаши, кому – альбом.

10.

«В колонию везли детей от 14 до 18. Не было хлеба, и не было сапог. Жизнь заставила всех работать, и работать совместно, и больших и маленьких. Объекты – чистка ли картошки, колка дров или чтение книг – вызвали к жизни рабочую группу, отряд, то из двух человек, то из тридцати, смотря по задаче. Если один «сачковал», сразу приходилось труднее другим, и они этого одного тут же и «воспитывали». Вот и все. Так же, как в поле, как и в цехе, в лаборатории, на стройке, в походе, в бою, как в семье. Вообще, как у людей. Оставалось только разумно управлять этим процессом. Задача как раз по моим силам».

Макаренко

11.

Что касается литературной карьеры, Макаренко считал, «что лучше быть ярким завколом, чем сереньким писателем». Считал: если уж писать книгу, то непременно такую, чтобы сразу оказаться в центре общественного внимания, «завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому сказать нужное сильное слово». И еще: «Я могу считать себя кандидатом в герои навсегда...». Это написано в 1928 г. То был 40-летний Макаренко. Он желал славы.

12.

Гонения завершились традиционным досье «Враг народа» (1936 г.). На тексте доноса исследователи-макаренковеды обнаружили недавно резолюцию, правда, без подписи: «Тов. Стрижевскому. Как только Кандыба сядет в ОТК (Отдел трудовых колоний НКВД УССР, в котором Антон Семенович занимал в то время должность помощника начальника. – В. К.), мы через некоторое время Макаренко удалим. Я не верю этому контрреволюционеру ни на грош. Это враг».

13.

Известно, что были арестованы, расстреляны или сами стрелялись в ночных кабинетах те, с кем Макаренко вместе работал или дружил, кто до поры спасал его самого.

Счастливый случай, звезда писательская спасли Макаренко, и он буквально бежал в Москву. Чего это ему стоили, можно только догадываться. Он уже очень болен в эту пору: теряет сознание и падает порой прямо на улице. Но пишет, пишет, выступает иступленно, клянется в преданности великому вождю, подает заявление в партию. Трагическое сплетение: Москва, мир литературы, признание, награждение орденом, слава, возможность работать и вместе с тем – отказ повсеместно от внедрения его педагогического метода и, напротив, ужесточение режима в детских исправительных учреждениях.

14.

Макаренко-педагог был побежден бездарными и злыми ревнителями «настоящей» педагогики уже при жизни. Его замучили комиссиями и проверками, подозрительностью и ложными обвинениями. Чем больше он делал, чем больше его любили дети, чем очевиднее был его «конечный продукт»: смелые, счастливые, дисциплинированные и работающие ребята и не менее радостные, а не издерганные педагоги, чем сильнее отличался он от общепринятого, тем злее становились атаки «блюстителей».

15.

Поздравляя своих друзей с наступающим 1938 г., А. С. Макаренко писал: «Пусть с 1938 года для Вас начнется красивая и богатая полоса Вашей жизни. Если и раньше у Вас бывали такие полосы, ничего, лишняя не помешает. С Новым годом!»

16.

Макаренко оставался деятельным оптимистом. Он «терпеть не мог и не допускал в своей жизни катастроф». За полгода до рокового февраля упал на улице в обморок. Ему предписан покой, а он неутомимо пишет письма: 14 августа – 3, 15 августа – 5, 16 августа – 3... За неделю 12 писем! И лишь в одном – упоминание о нездоровье, вполне веселое. Он прекрасно сказал: «Я признаю в жизни только одну неприятность, перед которой приходится пасовать – это смерть».

Вкусив славы, внешне оставался тем же – военная форма, шинель. Все тот же аскет. Больше всего не любил стандартных поступков, не терпел «шаблона». Во всем искал и признавал только смелую неожиданность нового. Это было нормой его натуры, жизненной установкой.

17.

«15 августа 1938 г., Москва. С. Калабалину. Дорогой, милый, родной Семен!.. Случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из главных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия я грохнулся в обморок прямо на трамвайной остановке. Кто-то со мной возился... погрузили меня в машину и привезли домой в состоянии довольно мерзком. Мерзком, главным образом, потому, что оно было прежде всего глубоко безразлично: умирать или не умирать – все равно. Хотелось только одного: чтобы никто не говорил громко. Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз, и возле меня завертелись целые четыре врача. Это произошло 10 августа. Разговоры со мной ведутся... тяжелые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минутку остался один дома... Признали у меня тяжелое переутомление мозговых сосудов – все на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал... Сейчас, между прочим, я чувствую себя очень неважно: пусто в голове, досадно и как-то неприятно легко возле сердца, и, кроме того, стал злой, страшно со мной разговаривать. Прости, дорогой...».

На пороге с кукурузным початком в руках появился Антон Семенович, и я сразу признал в нем Макаренко.

Дед оказался прав – Антон Семенович был действительно очень похож на комиссара эпохи гражданской войны: немногословный, строгий, уверенный в себе человек, без лишних жестов и суетливых улыбок.

Приветствуя меня с самым сердечным радушием, он не потерял в то же время своей сановитой степенности. В эту первую минуту нашей встречи мне почудилось в нем что-то непреклонное, несокрушимое, властное, чем он очень напомнил мне моего друга Бориса Житкова.

Сильным и четким движением разломив свой початок, он дал половину девочке, которая, очевидно, привыкла получать от него такие дары.

В разговоре я упоминаю о том, как полюбились мне юноши, которые, оберегая его сон, так ретиво развлекали меня. Он усмехается и, взяв меня под руку, молча ведет во двор к той площадке, где происходит игра. Походка у него военная, четкая: так ходит командир перед строем.

Я долго люблюсь играющими. Чем-то они напоминают мне оксфордских студентов. Я говорю об этом Антону Семеновичу.

- Правильно, - соглашается он, и в голосе его слышится украинский юмор. – Вон тот кучерявый – талантливейший вор-чемоданник со станции Лозовая под Харьковом. Уж на что знаменитые воры работали всегда на Лозовой, а он был среди них самый знаменитый. А тот, в белых брюках, - всего лишь карманник, но тоже очень высокого класса.

Он говорит это как самую обыкновенную вещь, словно и не подозревая, что она может вызвать во мне удивление.

Затем выдерживает долгую паузу и спокойно добавляет в том же тоне:

- А сейчас вон тот – медицинский работник. Неплохой из него выйдет хирург. А этот, в белых брюках, - уж будьте покойны: придет время, вы встанете в очередь, чтобы добыть на его концерты билеты.

Оба они – питомцы Антона Семеновича. Должно быть, приехали его навестить, потому что он уже несколько лет отошел от своих трудколний. Их обоих он некогда спас от уголовной карьеры. Ни раньше, ни потом я не видел, чтобы люди так благодарно и преданно любили своего воспитателя.

Один из воспитанников Антона Семеновича в своих воспоминаниях о нем:

«У нас требовалась безукоризненная вежливость в обращении друг с другом – особенно со старшими, со всеми гражданами, с посетителями, с посторонними людьми. Антон Семенович говорил: «Мы, советские люди, должны блистать изысканной воспитанностью и джентльменством. Нашей воспитанности должен завидовать весь мир».

К. Чуковский.

Пора уходить. Я прощаюсь. Антон Семенович провожает меня и по дороге рассказывает о своих писательских надеждах и планах. Здесь у него тоже все определено, четко. Хотя он и называет себя «литературным новичком», «новобранцем» (он стал, как известно, писателем уже в зрелых годах), никаких сомнений, недоумений, колебаний, шатаний, исканий не чувствуется в его творческих замыслах. Видно, что он продумал свой писательский путь до конца, на несколько лет вперед, и, несмотря ни на какие препятствия, уверенно пойдет своим путем.

Сомнения были, но в прошлом. Теперь они остались позади, и он уверенно наметил себе несколько пятилеток непрерывной работы, для которой, по его расчету, потребуется десять-двенадцать томов. Я от души завидую его спокойной уверенности и вполне разделяю ее - такая чувствуется в этом человеке целеустремленная сосредоточенность воли.

И вдруг он начинает сердиться. Заходит разговор о московских литературных делах. Антона Семеновича страшно возмущает моральная нечистоплотность одной из писательских групп, с которой он в качестве «новичка», «новобранца» близко познакомился только теперь. Он говорит с таким гневом, какого я не ожидал от него. Куда девалась его недавняя сдержанность!

Он приводит разные неприглядные факты, с которыми он недавно столкнулся, и заявляет о своей грозной решимости тотчас по приезде в Москву обличить и сокрушить эту ненавистную клику.

И мне вспомнилось, как он отчаянно дрался во времена своей первой Коммуны с целым штабом закоренелых чиновников, гнездившихся в провинциальных наробразах.

Теперь, когда он впервые ощутил себя приобщенным к литературной среде, в нем снова проснулся «драчун», сокрушитель карьеристов и ханжей. О ком он говорил, я не помню. Кажется, я далеко не во всем был согласен с его оценками. Но мне памятно то впечатление, какое произвела на меня его речь. Сколько в ней колоритных эпитетов и нечаянных, остроумных сравнений.

«Без этого ораторского таланта, - подумалось мне, - он, конечно, не мог бы так сильно влиять на вверенных ему «куряжан». Впрочем, слово «оратор» к нему не подходит. Гораздо вернее сказать «мастер устной импровизационной речи». Впоследствии, читая его публицистику, я не раз убеждался, что говорил он лучше, чем писал. Немалую роль в его устных высказываниях играл украинский юмор.

Но не бесследно прошли для него все его прежние «драки»: среди разговора он вдруг останавливается, делает долгие паузы, и лицо у него становится серое. Мы садимся на какие-то бревна. С горестным чувством я вижу, что при всей своей бодрой осанке, при всех своих уверенных и четких движениях Антон Семенович переутомленный, тяжело больной человек, для которого каждая схватка с «врагами» может завершиться трагически.

К. Чуковский.

Болезнь принудила Антона Семеновича поехать в следующем году в Кисловодск, в санаторий КСУ, что на Крестовой горе.

Там же в ту пору лечился и я. Наши комнаты оказались в одном коридоре, и из-за двери Антона Семеновича я в первый же день услышал торопливое стрекотание машинки: Антон Семенович, не разгибая спины, писал свой роман («Пути поколения») к великому негодованию врачей.

- Сердце у него, прямо сказать, плоховатое, - сообщил мне лечащий его терапевт. – Видно, много было у него передряг. Ему нужен полнейший покой. А он варварски терзает свое сердце. Не лечит его, а калечит. Работает с рассвета до вечера. Подите к нему, оторвите его от машинки и поведите гулять... к тополям... или к нашему фонтану, или в парк.

Но выполнить это предписание врача было не так-то легко. Антон Семенович, что называется, вгрызся в работу и малейший отрыв от нее ощущал как душевную травму. Снизить темпы своей пятилетки - об этом он и слышать не хотел.

Если мне удавалось увести его в парк, он уже через четверть часа спешил воротиться к незаконченной рукописи.

Но как-то за обедом он спросил меня, куда это я исчезаю так часто. Я признался, что тайком от врачей убегаю в кисловодские школы, где у меня еще в прошлые годы налажилось живое общения с детьми.

Антон Семенович мгновенно воспламенился желанием тоже побывать в этих школах. Ради них он даже готов пожертвовать часами работы над романом. Он говорил, что ему необходим материал для какой-то из задуманных книг. На самом деле, мне кажется, его просто влекла к себе близкая его сердцу среда молодежи, с которой он успел породниться в эпоху своих знаменитых коммун.

Приходя в школу, Макаренко, с разрешения учителя, скромно садился на заднюю парту и молчаливо присматривался, как ведется урок. Я думаю, бывшие кисловодские школьники (теперь пожилые люди) помнят свои тогдашние встречи с Антоном Семеновичем и беседы, которые он проводил с ними по окончании уроков. Я этих бесед не слыхал, так как, придя в школу, всегда уходил в самые младшие классы, а его тянуло к самым старшим.

Восхождение на Крестовую гору отнимало у нас больше часу. По пути мы делали привал на скамье в самого крутого подъема. Отдых на этой скамье сам собою располагал к разговорам. Мы говорили о литературе, о Горьком, о Фадееве, об Алексее Толстом и с упоением читали друг другу стихи. Оказалось, что Антон Семенович – это было для меня неожиданностью – хорошо знает и любит поэзию, увлекается Тютчевым, может без конца декламировать Пушкина, Шевченко, Крылова, а также Багрицкого, Тихонова. Много спорили о Достоевском, которого Антон Семенович в то время изучал очень пристально.

К. Чуковский

21.

К концу нашего житья в Кисловодске он стал заходить к нам вечерами – ко мне и к моей жене – с единственной целью поговорить об одном близком ему человеке, по которому он страшно соскучился: о своей жене Галине Стахивне. Она не имела возможности приехать вместе с ним на курорт и должна была остаться в Москве. Без нее он чувствовал себя сиротой и жаждал скрасить свое сиротство восторженным разговором о ней. По его словам, она с давнего времени делила с давнего времени все труды его жизни. Каждый вечер после тяжелого рабочего дня его обурежала потребность высказать ей (хотя бы заочно) те благодарные чувства, которые переполняли его через край. У другого это вышло бы сентиментально, фальшиво и, пожалуй, нелепо, у него же это было таким естественным и жарким порывом, что мы слушали его с уважением, не переставая удивляться тому, сколько лиризма таится в этой суровой душе.

К. Чуковский

22.

Утром 1 апреля 1939 г. А. С. Макаренко спешил на очередную встречу. Торопился на электричку, боялся опоздать: он был педантично точен и пунктуален. Помог внести женщине тяжелые вещи в вагон электрички, а потом схватился за сердце и только успел сказать, кто он. Остались недописанными романы, пьесы, книги для родителей, осталась незавершенной педагогическая концепция. За две недели до смерти ему исполнился 51 год, а для педагогов это возраст расцвета творческих сил, ибо требуется длительная многолетняя работа, чтобы создать оригинальное и талантливое.

Со всех концов страны собрались колонисты прощаться со своим наставником. Их было много, они заплотили Климентовский и Лаврушенский переулки. Многих из них А. С. Макаренко не узнал бы в лицо, ведь в колонии им. Горького и коммуне им. Дзержинского воспитывались несколько тысяч человек. Но их узнавали. Прошедшие школу-колонию и коммуну, они были удивительно похожи на А. С. Макаренко. Манера держаться, жесты, юмор, внутренняя организованность, открытость в общении шли от него. Сознательно или нет, они подражали учителю, и это делало их удивительно похожими друг на друга и прежде всего на него. Обычно подтянутые, привыкшие держать себя в узде, воспитанные на требовании «не пицать», они плакали навзрыд, не стесняясь и не сдерживаясь. На похороны пришли даже те, кого исключили из колонии.

23.

«Антон Семенович для нас во всем был примером для подражания. Я хочу подчеркнуть те черты характера, которые больше всего поражали меня и других воспитанников в его личности.

Трудолюбие. Ежедневно в 6 часов утра приходил на работу. Рабочий день переполнен текущими делами – педагогическими, хозяйственными, производственными. Не всегда все шло гладко. Были и срывы, и огорчения, и открытая борьба за то, чтобы сберечь стиль и тон коллектива. Антон Семенович находил время для нашего театра, писал пьесы, сценарии. Лично руководил репетициями. После вечерних рапортов и отбоя садился за машинку и занимался деловой корреспонденцией, писал статьи в издательства и т.д. А если оставались силы, занимался еще и литературной работой. Уходил отдыхать далеко за полночь.

Требовательность к себе и другим. Его кредо – «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». Особенно жесткие, бескомпромиссные требования предъявлял он к старшим коммунарам – активу.

Принципиальность. Твердо отстаивал свои взгляды и позиции в коллективе коммуны и в Наробразе, зачастую в ущерб себе.

Такт в отношениях с окружающими людьми. Уважение к их достоинству, даже если приходилось кого-то наказывать.

Вера в человека. Умение находить в нем искорку добра, терпеливо и настойчиво воспитывать нужные нравственные качества.

Эрудиция. Будучи разносторонне образованным человеком, свои знания он терпеливо отдавал нам. На рабфаке, например, когда была нужда (болезнь, вынужденное отсутствие педагога), мог вести любой предмет. Его уроки оставались в памяти коммунаров на всю жизнь.

Скромность и неприхотливость. Мы много позже узнали, что получал он мизерную плату за труд и ютился в неблагоустроенной квартирке. Но как он умел не показать этого! Не терпел особого внимания окружающих к себе, подчеркивания его заслуг, непрямого представительства в президиумах.

Нетерпимость к наушникам, ябедам. Требовал открытости в отношениях друг с другом, смелой критики в лицо. Доносчиков выставлял из кабинета.

Артистизм, педагогическое мастерство. Неприязненно относился к педагогическому «вяканию», «ровному голосу», «пережевыванию манной каши». Отлично владел голосом, мог выразить требование в интонациях, мог гнев свой показать и «гаркнуть» там, где нужно, но никогда не было и намека на истерику, на раздраженность доведенного до отчаяния человека».

Воспоминания одного из воспитанников Макаренко.

Макаренко:

Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастлив, можно...

Родители должны воспитать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

Воспитание детей – самая важная область нашей жизни.

Каждый человек, если он не урод, может быть врачом и лечить людей, и каждый человек, если он не урод, может быть музыкантом. Один – лучше, другой – хуже. Зависит от инструмента и от учебы. А у педагога такой учебы нет.

Я сделался настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15-20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса. И тогда я не боялся, что кто-то ко мне не пойдет или не почувствует того, что нужно.

Всякая мера взыскания только тогда производит полезное действие, когда она выталкивает человека из общих рядов и поддерживается несомненным приговором общественного мнения.

Логика старая – я хочу быть счастливым человеком, мне нет дела до остальных. Логика новая – я хочу быть счастливым человеком, но самый верный путь, если я буду так поступать, чтобы остальные были счастливы. Тогда и я буду счастлив.

Какой же воспитательный процесс может быть в пыли, в свалке вещей, которую никто не разбирает, не убирает, о которой никто не заботится!